

РЕЛИГИЯ И НАЦИЯ В СЛОВАРЕ

Согласно данным этнологов, этничность группы людей определяется, во-первых, их владением языком этноса и признанием его в качестве родного, умением пользоваться им в общении; во-вторых, их освоением определённых комплексов культуры этноса, к которому они принадлежат, и умением использовать эти комплексы в повседневной жизни; в-третьих, их использованием (и сохранением) традиций поведения и образа жизни этноса, к которому они принадлежат; и в-четвёртых, их самосознанием принадлежности к какому-нибудь этносу [1, с. 21-22]. При этом необходимо учитывать, что этничность не является стабильной и неизменной единицей: «в разные исторические эпохи, у разных народов и в разных регионах этничность имела различные формы проявления, испытывала на себе воздействие изоляционистских, интеграционных и иных тенденций» [2, с. 110]. Влияние этих тенденций также можно считать этноконсолидирующим фактором наравне с другими условиями становления этноса, а именно психологическим и культурным единством – устойчивыми связями и отношениями людей внутри социальной группы, которые составляют национальное самосознание нации.

В указанном аспекте может быть рассмотрен “Словарь белорусского наречия” И.И. Носовича (1870 г.). Важным является не только лексический материал этого источника, но и хронология его выхода. В частности, как в первой, так и во второй половине XIX в. во взглядах на белорусский язык не было единства: некоторые исследователи (Б. Линде, М. Максимович) считали его самостоятельным славянским языком, другие (И. Срезневский, А. Соболевский) рассматривали его в качестве диалекта либо русского, либо польского языков. Работа экспедиции 1860-х гг. Географического Общества в т.н. «западнорусском крае», которая должна была описать «племенные и

бытовые различия народностей западного края, их численные отношения, распределение по вероисповеданиям и степеням культуры, наконец хозяйственный быт и степень материального благосостояния» [4, с. 213], также не способствовала окончательному утверждению самостоятельности белорусского языка и вообще белорусской культуры: «Деятели 1860-х годов в западном крае так много говорили об «объединении», «обрусении» и т.п., так усердно настаивали на удалении всего местного, напоминавшего «польское» влияние, так усердно считали польским всё, что не было похоже на московское, что местная жизнь стала прятаться в скорлупу, и учёным исследователям (особенно прежде чуждым краю) с трудом приходилось бы отыскивать её проявления, вместо того, чтобы видеть её тотчас воочию без канцелярских ширм» [4, с. 215]. Несмотря на это, проведённое этнографическое исследование Беларуси выявило богатое древнее письменное наследие белорусского народа, которое нуждалось в анализе и лексикографической систематизации.

Таким лексикографическим источником стал «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича, запланированный Императорской Академией наук в качестве второй части «Опыта словаря областных наречий», но изданный в Санкт-Петербурге в 1870 г. как самостоятельный труд. И. Носовичу было поручено составить словарь, который систематизировал бы лексику живого народного говора и был бы одновременно источником для лингвистических исследований белорусского языка и пособием при чтении древних памятников письменности.

«Словарь белорусского наречия» положил начало нормализации (кодификации) словарного состава белорусского литературного языка и является первым белорусским национальным словарём. Это было самое полное на то время собрание лексики и фразеологии живого белорусского языка, которое охватило более 30 тысяч слов белорусской речи XIX в. В своём словаре И. Носович в качестве реестровых единиц и компонентов иллюстрационного материала поместил слова и словосочетания – выразители

мифологических взглядов и этнографической характеристики белорусского народа (в частности, жителей восточнобелорусского, кривицкого, ареала, который автор считал наиболее «чистым» в этногенетическом плане.

Однако Словарь зафиксировал и такую непривычную в то время для носителя белорусского наречия категорию, как национальное самосознание. Правда, следует заметить, что эта категория не выражается эксплицитно, а выявляется через фиксацию инонациональных этнонимических названий: *ляхъ* – поляк; *литвинъ* – литовецъ; *жидъ* – еврей; *хохлачъ* – малороссіянинъ.

Некоторые этнонимы в словаре И. Носовича содержат в себе указания как национальную, так и на конфессиональную принадлежность их носителей: *басурманецъ, басурманинъ* – 1) *Не исповедающий христіанской веры, Турокъ. 2) Употребляющий скоромную пищу въ постные дни.* Поскольку словарь И.И. Носовича отражал господство православной религии (общепринятое Императорской Академией наук и поддерживаемое на высочайшем уровне в то время), очевидно, что верующие нехристианских конфессий не пользовались должным уважением, как видно из иллюстраций к словарным статьям: *басурманка* 1) *Магометанка или Татарка. 2) Нарушительница поста и не имеющая уваженія къ какой либо святыне.*

В этом плане неоднозначными являются в Словаре наименования евреев: некоторые из них имеют отрицательные коннотации (*иродъ* – 1) *Врагъ, безбожный человекъ. 2) Скупецъ, скряга. 3) Неверный, Еврей; юда* – 1) *имя от крещенія Іуда. 2) Еврей, жидъ*), а некоторые – положительные: *законъ* – 1) *Еврейская вера. 2) Еврей, говорится съ некоторым уваженіемъ; старозаконникъ* – *Еврей, говорится изъ вежливости.* Очевидно, длительное совместное проживание белорусов с представителями иных национальностей помогло им преодолеть конфессиональную ограниченность и, наоборот, выработать межэтническую толерантность.

Не все предложенные И. Носовичем лексемы, совпадающие с современными литературными названиями национальностей, являются

этнонимами. Например, слово **мордва** имеет значение ‘1) Шумное сборище, особенно Евреевъ. 2) Безпокойные люди. 3) Шалуны и крикуны ребятишки. 4) Назойливый’. Слово **Украина** обозначает не современное название Малороссии, а ‘страна, лежащая на пределах, при границе или за пределами отечества или области’. Слово **Москва** вообще является полисемичным, и его ЛСВ имеют следующие значения, обобщённые семой ‘принадлежность к русской нации’: 1) *Русскій солдатъ*. 2) *Русскій плотникъ и множ. плотники*. 3) *Русскій, разъезжающій по торговымъ или другимъ промысламъ*. 4) *въ женск. роде собир. Солдаты*. 5) *Москвитянинъ, Великоросіанинъ*.

Относительно же самоназвания **Беларусь**, то в Словаре зафиксирована только одна (!) реестровая единица – *беленькая Русь*, – проиллюстрированная примером из народной песни: *беленькая Русь – Белорусь, употр. только изредка въ песняхъ. Налецели гуси // Да съ беленькой Руси, // Сели пали на кринице, // Стали ены воду пици*. Да ещё можно добавить упоминание о кривичах в реестровом слове **кроў**, приведённом в приложении к Словарю: **кровь** – 1) *Кровь (это слово въ Белорусскомъ наречіи въ родит., дат. и предл. падежахъ ед. ч. имеетъ криви. <...> Древнее названіе Славянскаго племени Кривичи, по Польски Krewiczy, по Немецки отъ Польскаго же Krewings, можетъ быть произведено отъ криви, и въ такомъ случае можетъ значить: кровные, единокровные, соплеменные)*. 2) *Племя, корень племени*. К сожалению, среди всего разнообразия названий племён и народностей Российской империи белорусы с трудом определяли себя как нацию, как самобытное славянское племя с неповторимым историческим путём и уникальной культурой. И тем более значительным представляется труд И.И. Носовича, который можно назвать настоящим научным и гражданским подвигом.

В русской лексикографической традиции таким словарём можно считать «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1-4 тт., 1863-1866, более 200 тыс. слов), который содержит «лексическое богатство

русского языка во всех разновидностях его устной (народно-разговорной, профессиональной, жаргонной, диалектной, литературно-разговорной и т.п.) и письменной (книжно-литературной) речи» [3, с. 179]. Кроме этого, в словаре В.И. Даля нашли отражение и оригинальные словесные клише, пословицы, поговорки, загадки, а также заговоры, суеверия, обычаи и народная мифология. Безусловно, народная основа Далевского труда стала причиной наличия в реестре обозначений людей по признаку "свой – чужой" не в официальной, а в фольклорно-разговорной "версии". Например, люди неправославного вероисповедания называются **басурман**, бусурман, босурман, бесермен <...> неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиятец или турок; **иной** <...> Иноверный, к иноверию относящ., принадлежащий. Иноверец м. -верка ж. кто исповедует иную, различную с кем или негосподствующую в государстве веру <...> Инославный, противополог. православный, иноверный, иноверческий; **немой**, <...> не говорящий по-русски, всякий иностранец с запада, европеец (азиатцы бусурмане); в частности же, германец. <...> Немецкое платье, общеевропейское, мужское и женское, в противополог. русскому.

Названия лиц или обрядов, являющиеся одновременно характеристикой их конфессиональной принадлежности, в словаре В.И. Даля отражают сложные национально-религиозные отношения в России XIX в. Это, в частности, реестровые слова с обозначением разных раскольнических течений: **антихрист** в народе антий; собств. злой дух, ратующий против истины и добра <...> Антиев хлеб, раскольн. картофель. Прививная оспа - антиева печать, раскольн. Гражданская грамота от антихриста, раскольн. Клеймо на мере и весах - печать антихристова, раскольн. Печать на паспортах - клеймо антихриста, раскольн. Перепись народная от антихриста, для взимания дани с живых и с мертвых, раскольн. У антихриста дышловая колесница, почему об одной оглобле ездить грех, раскольн.; **артамоновицина** ж. или новожены, раскольничий толк

беспоповщины, принимающий брак по благословению родителей или стариков, с особыми обрядами <...>.

Разногласия между господствующей православной традицией и раскольническим движением объясняют тот факт, что некоторые реестровые слова с семой 'раскольниковство' семантизируются с явной негативной коннотацией: **беспоповщина** ж. множество толков раскольниковых, не признающих вовсе нынешнего священства, утверждая, что со времени исправления церковных книг настало царство антихриста; это же изуверное убеждение прилагают они и к гражданской власти и порядку; это поморцы, спасовщина, нетовщина и пр. <...>; **немоляха** об. кто не молится, идет на работу или за стол без молитвы. | **Немоляхи** мн. раскольниковый толк, вернее ересь, не признающая ни икон, ни иной внешности и обрядливости, ни священства, ни самой церкви, но принимающая Святое Писание; это охохонцы (воздыхатели), иконоборцы, оправдывающиеся речением: Церковь не в бревнах, а в ребрах. Они, сверх сего, закоснелые враги всякого правительства, повиваются только страха ради иудейского, но трезвы, работаючи и зажиточны.

В словаре В.И. Даля, так же, как и в словаре И.И. Носовича, многие привычные названия лиц по национально-конфессиональному признаку в народной интерпретации не только обозначают национальность, но и стереотипные черты характера, приписываемые конкретной народности: **жид**, жидовин, жидюк, жидюга м., жидова или жидовщина ж., жидовье ср. собир. - скупой, скряга, корыстный скупец <...> ; **мусье** м. несклон. франц. мусьяк, мусьяк, бранное господин, франт, выскочка; | **гувернер**, воспитатель; **фармасон** <фармазон>, *franc-mason*, бранное вольнодумец и безбожник.

Таким образом, единство членов одного национального коллектива подчёркивается их отношением ко всему чужому, к тому, что только укрепляет их внутреннюю связь. Словесным выражением "чужого" в данном случае может быть лексическое обозначение национальной и религиозной

принадлежности людей, зафиксированное в лексикографическом источнике национального масштаба.

Словари В.И. Даля и И.И. Носовича объединяет их общее стремление показать этническую самобытность нации, фольклорная основа реестра. Объединяет оба словаря и то, что заинтересованность их создателей национальной культурой, связанная вначале с романтическими тенденциями, углубляется вместе с развитием этнографии, диалектологии и других пограничных наук, что и вызвало этнолингвистическое содержание словарей.

Однако для В.И. Даля «живой» язык – это система простонародных, географически децентрированных языковых средств, которая является носителем национального духа. Словарь же И.И. Носовича был начат как «Опыт словаря *областных* наречий» (курсив наш – И.С.), но в процессе составления превратился в «Словарь *белорусского* наречия». И.И. Носович, поместив названия мифологических и этнографических реалий в словаре, который издавался как строго научный труд, таким образом «узаконил» фольклорную и духовную аутентичность белорусов среди народностей Российской империи.

1. Ешич М.Б. Этничность и Этнос // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – С. 7-71.
2. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 400 с.
3. Николенко Л.В., Николина Н.А. Концепция языка в работах В.И. Даля / В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник. – СПб.: «Златоуст», 2002. – С. 312 с.
4. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4.: Белоруссия и Сибирь. – Минск: БелЭн, 2005. – 256 с.

(Доклад на IV Международной научной конференции
по актуальным проблемам теории языка и коммуникации
“Языковые измерения: пространство, время, концепт”
(Москва, 2 июля 2010 г.)